

Бай Линъюнь не любил Бадахутун. И в его собственное время, и сейчас — даже когда этот район стал прославленной визитной карточкой старого Пекина — он всё равно не мог выносить ту гнетущую, унылую атмосферу, которая, казалось, просачивалась из самой его почвы.

Он несколько раз поторопил Дай Пэйчуаня. Юноша был ещё мал, ноги короткие, шаг мелкий, и подгоняемый Бай Линъюнем он перешёл на лёгкий бег. Оба припустили быстрее, и, выскочив из хутуна, тяжело дышали, не в силах вымолвить ни слова.

Переглянувшись, они рассмеялись, чувствуя невероятное облегчение.

Зачем же Бай Линъюнь вытащил Дай Пэйчуаня в город?

Разумеется, чтобы тратить деньги. Раз уж кое-кто не хотел, чтобы у него в руках задержался хоть грош, он решил пойти им навстречу: сегодня же потратит всё до последней монеты, чтобы им не пришлось зря тратить силы на кражу.

По нынешним меркам, двадцати серебряных долларов вполне хватало на жизнь обычной семье. Если считать по ценам, за три доллара можно было купить сто цзиней пшеничной муки, за два — шестнадцать цзиней риса, а один доллар стоил либо семь цзиней свинины, либо восемь чи хлопчатобумажной ткани, либо десять цзиней сахара-песка. С такой суммой можно было устроить целый оптовый склад бакалеи.

С этой огромной суммой на руках они сначала жадно позавтракали, затем купили в лавке готовой одежды тёплые вещи, обувь и шапки, а после отправились на рынок в восточном предместье, где закупили горы риса, муки, масла, птицы и рыбы. Такая щедрость привела торговцев на всей улице в неописуемый восторг: стоило им увидеть этих двух расточителей, как все начинали ликовать, приветствуя их, и даже помогли решить проблему, которая больше всего беспокоила Бай Линъюня — как дотащить всё это добро обратно.

На всё это ушло пятнадцать долларов, в руках осталось пять. Бай Линъюнь решил сводить Дай Пэйчуаня на улицу Цяньмэнь — самое оживлённое место в Ваньцзине.

Уличные артисты, певцы, акробаты, торговцы едой — здесь собралось всё самое колоритное со всех сторон света. Никаких закреплённых мест, никакого надзора властей: если удавалось выкроить пятачок среди плотной толпы, можно было смело разворачивать свой нехитрый бизнес. Бай Линъюнь впервые воочию увидел шумную жизнь улицы Цяньмэнь в эпоху Китайской Республики. Ряды торговцев тянулись от Упайлоу до самых ворот Юндинмэнь, а ассортимент товаров был таким, что здесь можно было найти всё необходимое для жизни.

Бай Линъюнь купил Дай Пэйчуаню несколько модных столичных безделушек. Мальчик был на седьмом небе от счастья, а на все эти мелочи ушло меньше одного доллара.

Прогуляв всё утро, к полудню они проголодались и зашли в ресторан неподалёку от Упайлоу. Снаружи здание выглядело солидно, да и обстановка внутри оказалась весьма достойной. Бай

Линъюнь удовлетворённо кивнул — для нынешних времён это был уровень.

Дай Пэйчуань, стоя у входа, замялся. Потянув Бай Линъюня за рукав, он прошептал:

— Здесь, наверное, очень дорого. Пойдём лучше в Ланфан Эртяо, перекусим чем-нибудь простым.

Бай Линъюнь покосился на него:

— Тогда иди в Ланфан Эртяо, а я поем здесь.

Сказав это, он небрежной походкой вошёл внутрь. Дай Пэйчуань, не смея оставить его одного, поспешил следом, позвякивая своими покупками.

Расторопный официант с полотенцем на плече тут же подскочил к ним:

— Пожалуйте вдвоём?

Бай Линъюнь кивнул:

— Найдите место потише.

— Будет сделано! — звонко отозвался паренёк и крикнул вглубь зала: — Двое гостей, четвёртый кабинет!

Бай Линъюнь проводил официанта взглядом. Если даже простой слуга обладает таким зычным голосом, то что говорить о прославленных актёрах?

Они поднялись на второй этаж. В отличие от шумного общего зала внизу, здесь располагались отдельные кабинеты с резными деревянными дверями. В коридоре курились благовония, а из приоткрытых окон тянуло холодным ароматом цветущей сливы. Официант распахнул одну из дверей и, согнувшись в поклоне, пригласил их войти:

— Прошу, господа. Меню на столе, как выберете — позвоните в колокольчик.

Когда официант удалился, Дай Пэйчуань наконец выдохнул и расслабил плечи. Бай Линъюнь с улыбкой щёлкнул его по лбу:

— Чего ты так нервничаешь из-за обычного обеда?

Мальчик вытер пот со лба:

— Брат, за всю свою жизнь я ещё ни разу не был в таком месте, где бы меня так обслуживали.

Бай Линъюнь покачал головой, вспоминая свою жизнь в современном мире, где всё — от еды до транспорта — было устроено кем-то другим. По сравнению с тем, что он знал, это едва ли можно было назвать обслуживанием.

Увидев меню, Дай Пэйчуань немного успокоился: цены оказались вполне доступными, двух долларов хватило бы на отличный обед. Они заказали шесть блюд — три холодных и три горячих. Холодные закуски принесли быстро. Бай Линъюнь попробовал их — вкус был чистым, без лишних добавок, к которым он привык в будущем.

Пока они ждали горячее, из соседнего кабинета донеслось нежное пение — кто-то напевал арию из куньцзюй Пионова беседка. Бай Линъюнь прислушался. К середине обеда, почувствовав прилив настроения, он начал отбивать такт и тихонько подпевать.

Дай Пэйчуань, который до этого усердно работал палочками, тут же отложил чашку и, зачарованный, начал покачивать головой в такт. Бай Линъюнь, прищурившись, допел отрывок и, открыв глаза, расхохотался, глядя на восторженную физиономию мальчика.

— Я так и не спросил, учил ли тебя мастер Чэнь петь?

Дай Пэйчуань с грустью покачал головой:

— Мастер Чэнь сказал, что я уже слишком взрослый, поздно учиться.

Бай Линъюнь вздохнул:

— И хорошо, что не учил. Сейчас эта профессия не в чести.

Дай Пэйчуань понимал, о чём речь, но с детства обожал театр. Ещё не умея ходить, он с дедом посещал все театры подряд: стоило зазвучать цзинху, как он тут же переставал плакать, вытягивал шею и тарашил глаза, словно всё понимал.

— Брат... вы... вы могли бы научить меня петь?

Бай Линъюнь повёл бровью:

— Хочешь учиться?

Дай Пэйчуань энергично закивал:

— Очень!

Бай Линъюнь спросил снова:

— Это искреннее желание или просто способ заработать на хлеб?

Дай Пэйчуань ответил без колебаний:

— Это искренне!

Бай Линъюнь внимательно посмотрел на него и, наконец, кивнул:

— Я могу научить тебя, но у меня есть одно условие.

Дай Пэйчуань, вне себя от радости, тут же опустился на колени:

— Брат, нет, учитель! Я согласен на любое условие!

Бай Линъюнь жестом велел ему встать:

— Моё условие простое, но в то же время сложное. Если ты по-настоящему любишь театр, то оно покажется тебе пустяком. Но если ты лишь хочешь использовать это как повод для заработка, то лучше даже не слушай.

Дай Пэйчуань с недоумением посмотрел на него:

— Какое же это условие?

Бай Линъюнь произнёс чётко, слово за словом:

— В этой жизни ты никогда не выйдешь на большую сцену!

<http://bllate.org/book/19185/1883619>